

3
Г-345

Санкт-Петербургский филиал
ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ
Российской Академии Наук

на правах рукописи

Гергилов Ростислав Евгеньевич

СОЦИОЛОГИЯ Ф.А. СТЕПУНА

Специальность 22.00.01 — «Теория, история и методология
социологии»

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой
степени кандидата социологических наук

Санкт-Петербург
1998

Диссертация выполнена в Секторе истории российской социологии Санкт-Петербургского филиала Института социологии Российской Академии наук.

- Научный руководитель* — доктор философских наук,
профессор **И.А. Голосенко**
- Официальные оппоненты* — доктор философских наук,
профессор **Э.В. Соколов**
— кандидат философских наук,
доцент **В.И. Бочкарева**
- Ведущая организация* — Санкт-Петербургский
государственный университет

Защита состоится «10» декабря 1998 г. в ____ часов на заседании специализированного совета К. 200. 69. 01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата социологических наук при Санкт-Петербургском филиале Института социологии Российской Академии наук (198005, Санкт-Петербург, 7-ая Красноармейская, д. 25/14).

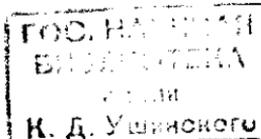
С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Санкт-Петербургского филиала Института социологии Российской Академии наук.

Адрес: 198005, Санкт-Петербург, 7-ая Красноармейская, д.25/14,
Санкт-Петербургский филиал Института Социологии РАН.

Автореферат разослан «__» _____ 1998 г.

Ученый секретарь специализированного совета К. 200. 69. 01
кандидат социологических наук

О.Н. Бурмыкина

Бурмыкина

99 - 05603

Актуальность исследования. Изменившаяся социальная и духовная обстановка в России делает возможным обращение к творчеству русских мыслителей, которое в прошлом было по известным причинам затруднено. Научная мысль русского зарубежья пробивала себе дорогу во всех отраслях знания. Широка география распространения идей русских философов, социологов, писателей, богословов, музыкантов, представителей инженерных и естественнаучных профессий.

Среди высланных из советской России в начале двадцатых годов были как молодые философы и социологи, для которых Запад был некой *terra incognita*, так и люди, имевшие большой жизненный и научный опыт и всемирное признание, познакомившиеся с ним в годы обучения в разных европейских университетах. Некоторые из них поддерживали научные и дружеские контакты со своими зарубежными коллегами, находясь еще в России. Оказавшись за пределами России, все они, в различной степени, находили себе применение, получая преподавательские места в университетах, работа в качестве свободных публицистов, организовывая издательства, выпуска журналы и газеты, печатаясь в зарубежных изданиях.

Научная и гуманитарная деятельность русских ученых не носила какого-то «российского» уклона, а была, скорее, синтезирующей. Русская культура, смешиваясь в умах и сердцах этих людей с культурой страны пребывания, приобретала международный характер, привнося, тем самым, свое самобытное в общечеловеческую культуру. Это было, до некоторой степени, вынужденное смешение культур, но его результаты, сами по себе, являются серьезным социально-культурным феноменом, ожидающим своих исследователей. В каждой цивилизованной стране Европы и Америки исследуются корни этого феномена и его значение для мировой науки и культуры.¹

¹ Schlogel, Karl: Exodus. Berlin 1993

В рамках самого русского Зарубежья предпринимались попытки дать некий обзор того культурного массива, который создала русская зарубежная мысль. Большая часть этих работ носит, скорее, описательный характер, нежели аналитический. Наиболее ценные из них, с научной точки зрения стали библиографической редкостью. Трудность такого рода предприятия связана, не в последнюю очередь, с обширной географией расселения русской эмиграции. Одна лишь библиография работ может занять многие страницы подобного исследования. Автор одного из ценных трудов по культуре русского Зарубежья Ковалевский П.Е. пишет о том огромном массиве подготовительных материалов, с которым ему пришлось ознакомиться, в период работы над книгой.¹ Здесь и Дягилевские балетные сезоны и художественная литература, естественнонаучные достижения и мощная, до сих пор недостаточно изученная, социально-философская мысль, ярким представителем которой был философ, социолог и литературовед Ф.А. Степун, высланный из советской России и проживший весь период эмиграции в Германии.

С 1926-го по 1937 годы он был профессором социологии кафедры культурологии Дрезденской высшей технической Школы. В этот период Степун отстаивает свое понимание социологии, — ее предмета и метода. Особое внимание к себе, со стороны немецкой социологической общественности, он привлек своим докладом на VII съезде немецких социологов, который был посвящен, в основном, методологическим проблемам социологии.²

Философские и социологические взгляды Степуна выражены им не только в специальных научных работах, но и в романах и мемуарах, которые он писал, по его собственному признанию, не только как литератор, но и как философ, историк и социолог.³

Степень разработанности проблемы. В отечественной литературе отсутствуют специальные работы, посвященные анализу социологических воззрений Степуна. Исследуются, в большей степени, его философские и литературоведческие взгляды. Зарубежные исследователи делают основной акцент на изучении личности Степуна-гуманиста, литератора и издателя. Имеется, также,

¹ Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. Librarie des Cinq Continent. Paris 1971

² Stepun, Fedor. "Verhandlungen des 7. Deutschen Soziologentages. 1930 in Berlin". 1931; "Diskussion über Begriffsbildung in der Soziologie", S. 114-116

³ Степун Ф.А. "Бывшее и несбывшееся". Издательство Overseas. Лондон 1991

очень краткий анализ его взглядов на развитие театра и кино, связанных, непосредственно, с его оригинальной концепцией личности, которая, тоже, несправедливо обойдена вниманием исследователей. Мемуары Степуна охватывают, далеко не в полном объеме, годы его жизни. Период его жизни в Германии только в последнее время привлек внимание исследователей. Основной трудностью в реконструкции научной и личной биографии Степуна является недостаток архивных материалов, часть которых сгорела при пожаре его дома в Дрездене в 1945 году. Очень хорошее подспорье в воссоздании его общественно-научной эволюции — его сохранившиеся письма друзьям и коллегам.

Среди авторов работ, посвященных научным воззрениям Степуна, или, в какой-либо мере касающихся его личности, можно выделить: С. Хоружего, Р.Крамме, В. Кантора, А. Ермичева, В. Малахова, Х. Трайбера и Г. Шоека. Много для понимания личности Степуна дали воспоминания его младших современников — немецкого философа Х.-Г. Гадамера и его дочери Ютты Штевер, а также архивные материалы выдающихся деятелей русской эмиграции, с которыми Степун был в тесном контакте. Среди перечисленных авторов только Г. Шоек рассматривает, до некоторой степени, его социологические взгляды, отмечает их четко выраженный философско-исторический базис и, относит их в своей историко-социологической монографии в раздел «Философская социология».¹ Но теоретический анализ социологии Степуна отсутствует, к сожалению, и у Шоека.

Начало духовной эволюции Степуна — неокантианский трансцендентализм. Затем он становится близким философии жизни, в ее историцистском варианте, исходящем в интерпретации жизни из непосредственного внутреннего переживания, как оно раскрывается в сфере исторического опыта духовной культуры. Внимание, при этом, приковано к индивидуальным формам реализации жизни, ее неповторимым уникальным культурно-историческим образам. Проблема творчества выступает, по существу, для Степуна, синонимом жизни и имеет трагически-двойственный характер: продукт творчества, как нечто косное и застывшее, становится, в конце концов, во враждебное отношение к творцу и творческому началу. В этом понимании

¹ Schoeck, Helmut: Geschichte der Soziologie. Verlag Herder KG Freiburg im Breisgau. 1974. S. 294–296

существа творчества чувствуется влияние на него социальной философии йенских романтиков и Г. Зиммеля. Трагизм, свойственный философии жизни и родственному ей немецкому романтизму был, в дальнейшем, воспринят искусством XIX — начала XX веков. Особенно близким этим тенденциям оказался символизм, изучению общественного значения которого Степун уделял много времени.¹

Романтизм, как социально-научное явление, ограничивался не только Германией, но именно в ней он имел наиболее благодатную общественную почву для своего развития. Немецкий социолог Ф. Йонас отмечает, что даже философская система такого рационалиста как Гегель не лишена была романтических оттенков. То же можно сказать и по отношению к Канту, в особенности к его «Критике способности суждения»² Основной импульс развитию романтических взглядов в общественных науках придали И. Гердер и братья Шлегель. Основной причиной успеха романтизма, в частности в Германии, послужила невозможность характеристики и объяснения социальных явлений и жизненных обстоятельств с помощью рациональных причинно-следственных связей. Действительность, по мнению романтиков, — это не процессы, которые можно рационально объяснить, а некие целостности, которые можно понять и истолковать, не анализируя. В этом случае акцент в социологическом исследовании смещается в сторону исследователя, его научной добросовестности. Именно вниманием к исследуемому индивиду, его личностным характеристикам, помимо прочего, был привлекателен Степуну романтизм. Его очищенный от утопических крайностей вариант он использует в качестве философско-методологической базы своей социологической концепции.

Не подвергнутой историко-научному анализу остается и его оригинальная социология масс. Курс лекций по этой теме читался Степуном в довоенные годы в Дрезденской высшей технической школе. Объектом анализа диссертанту служил рукописный вариант его «Лекций по социологии» 1927/28 годов и другие работы, а также многочисленные архивные материалы. Необходимость обращения к теме массы и вождь была вызвана, особенно в межвоенное время, потребностью теоретически осмыслить эти социальные явления, их

¹ См. Stepun, Fedor: *Mystische Weltschau: Fünf Gestalten des Russischen Symbolismus*. München 1964

² Jonas, Friedrich: *Geschichte der Soziologie*. Bd. II, S. 164. Hamburg 1968

природу, типы и формы проявления. Материалом этому служил опыт социальных революций, в ходе которых, эти явления находили свое наиболее полное выражение.

Цель и задача исследования. Общей целью диссертационного исследования является отображение влияния на развитие социологических взглядов Степуна немецкой романтической социологии и анализ его социологии массы.

В связи с поставленной целью предпринимается попытка решения следующих задач:

- рассмотреть данный Степуном анализ сущности немецкого романтизма и его социологии.
- показать оригинальность социологической концепции Степуна.
- рассмотреть анализ Степуном социальных категорий «революция», «масса», «вождь» и «личность».

Теоретическая и текстуальная базы исследования. Для уяснения социологических взглядов Степуна и их философско-методологических оснований исследуются, наряду с его текстами, произведения классиков мировой философской и социологической мысли. Особое влияние на Степуна оказали философские и социологические взгляды немецких романтиков, что и выявляется в ходе исследования. Для определения места Степуна в ряду деятелей немецкой социологической мысли автор обратился к работам немецких социологов — его предшественников и современников, — а также к позднейшим работам о нем отечественных и зарубежных авторов.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Обоснование влияния немецкой романтической традиции на становление социологии Степуна.
2. Выявление своеобразия его социологии.
3. Определение оригинальности его подхода к анализу социальных феноменов: революция, массы, вождь и личность.

Научно-практическая значимость исследования. Тема, исследуемая автором диссертации имеет не только историко-социологический, но и общекультурный характер. Обращение к творчеству, по тем или иным причинам, забытых или малоизвестных авторов необходимо для восполнения лакун в эволюции национальных наук и культур. Материалы, выводы и результаты исследования могут быть использованы для чтения курсов по истории социологии.

Апробация основных положений диссертации. Некоторые положения диссертации были представлены на конференции: Религии и общество. (Гамбург 1995), а также на конференции, посвященной 125-летию юбилею И.А. Бунина (Париж 1995). Методологические положения обсуждались автором с немецкими философами и социологами: Х.-Г. Гадамером, Р. Крамме и Х. Трайбером. Частично содержание работы нашло свое отражение в научных публикациях автора.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы. В первой главе рассматриваются философско-методологические основания социологической концепции Степуна и его взгляды на возникновение и развитие социологии в Германии, ее национальные особенности, традиции и школы. Во второй главе анализируется его социологи масс.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение содержит обоснование темы, ее актуальности и необходимости, степень разработанности и новизну исследования, формулировку задач и основной цели.

Первая глава диссертации «Духовная эволюция и социальная биография Ф.А. Степуна» посвящена анализу этапов его личной духовной эволюции, их социальных и культурных детерминант, выясняются практический и теоретический смысл его мировоззрения. Выделены два основных этапа в развитии мировоззрения Степуна: трансцендентально-идеалистическое и романтикомистическое.

В первом параграфе «Социально-биографическая эволюция Ф. Степуна» приведены биографические данные и география мест его пребывания. Подчеркнута важность степунского понятия «встреча», которое является центральным понятием его социологии и антропологии. Перечень персоналий, с которыми Степун был в контакте, помогает понять его политические установки и мотивы его практической деятельности, а приводимое в работе расписание лекций Степуна-студента дает дополнительную возможность представить научно-философскую атмосферу, в которой он

развивался. Освещение его дальнейших жизненных обстоятельств показывает эволюцию его теоретических взглядов и мировоззрения. Его участие в создании и выпуске журнала «Логос», а также его научная работа дает ему возможность помочь зарубежному читателю понять специфику русской культуры. Большое значение имели для становления Степуна-социолога контакты с Г. Риккертом и Максом Вебером. Имя последнего упоминается во многих работах Степуна. Выясняется, что возникновение, романтической традиции в Германии тесно связано с эпохой буржуазных революций в Европе Нового времени, а также связанных с ними освободительными движениями и стремлением к эмансипации отдельного индивида. Немецкая идеалистическая философия была тем мостом, с помощью которого Германия смогла принять участие в этом эмансипационном процессе, но с учетом своей национальной специфики, обусловленной структурой общественных отношений. Специфическим было то, что современное общество в Германии представлялось не подобно западному, — рационально и функционально упорядоченному, — а неким порядком, самоценность которого покоится не только лишь на базе системы индивидуальных потребностей и интересов, но который должен развивать социальные связи индивида как конкретную тотальность, в которой единичный не подчиняется всеобщему и не должен жертвовать собой, а может найти себя как всеобщая сущность в государственных институтах. Единичный и всеобщее не противостоят друг другу. Они не переходят также друг в друга, а взаимно признают друг друга и составляют вместе единство, которое Гегель называл разумной действительностью.

Вопрос общественной интеграции, возникший в XVIII веке, в эпоху открытия общественной закономерности, как совершенно безобидный, к началу XIX столетия обнаружил свой обостренный характер. Социология немецкого идеализма и может быть адекватно понята, исходя из этого обострения, так как немецкий идеализм при выработке своей теории оперировал фактами, которые были еще не доступны ни эпохе Просвещения, ни либерализму. Результаты Французской революции и первые экономические кризисы в Англии вновь поставили проблему интеграции и, в особенности, вопрос каким образом можно удержать либеральное демократическое общество в состоянии равновесия. Трудность удержания такого равновесия заключается, по Степуну, в том, что политическое

сознание Нового времени связывает воедино принципиально совершенно разные понятия: либерализм и демократия. Центральная идея либерализма — это свобода, демократии — равенство. По сути эти два понятия связаны друг с другом посредством третьего понятия — братство, заключенного в классической формуле Французской революции. Но в действительности, как отмечает Степун, эти два понятия, вплоть до сегодняшнего дня, «не встретились». Не в последнюю очередь из-за того, что с христианским понятием братства на устах третье сословие выступило в ходе революции как раз против христианства и церкви. Учитывая это неразрешимое противоречие, Степун, на вопрос о возможности удержания в равновесии рационального и признающего интересы и потребности свободных людей общества, дает отрицательный ответ. Состояние анархии, которое возникло вследствие революции, может быть преодолено только контрреволюцией.

Предмет изучения социологии Просвещения — это общественные закономерности. Не человек в его индивидуальном личном бытии, а действующая единица, не общество как определенный народ, а гражданское общество являются ее темами. Эпоха Просвещения породила проблему отчуждения, которая была одним из основных импульсов возникновения романтизма.

Человек как покоящаяся в себе личность, общество как историческая действительность определенного народа — это реальные объекты социологии романтизма. В противоположность большим общественным теориям, которыми был отмечен XVIII век, начали возникать социальные науки, покоящиеся на опытных знаниях. Не человек как гражданин вообще, а конкретный человек: ремесленник, крестьянин, католик, протестант, не общество как гражданское общество вообще, а общественные институты, история определенного народа — вот та реальность, которую, вслед за романтиками, изучает Степун.

Во втором параграфе «Влияние немецкой романтической школы социологии» выясняется отношение Степуна к романтической социологии в общем и к творчеству некоторых социологов-романтиков в частности. Приводится различие во взглядах социологов-романтиков и Степуна на первоисточники социологии. Прослеживается эволюция социологии романтизма и ее духовная связь с философско-историческими взглядами русских славянофилов.

Выяснено, что романтическая школа социологии была ближе эмпирической действительности, чем обширные социально-исторические теории 18 столетия. Отмечено, что в отличие от историков социологии, стоящих на платформе романтизма (Г. фон Белов и О.Шпанн) и видящих истоки социологии и час ее рождения в немецкой романтике, Степун отдал неформальное должное создателю социологии как науки, Конту, подчеркивая выдвинутую им основную задачу социологии, заключающуюся в предвидении социальных процессов. Романтическая социологи обращена к единичному и конкретному. Реальным для нее является не общие категории, а определенные чувства, не связь поступков, а институты определенного народа, не обобщенный человек, а его реальность в качестве члена определенного сословия, слоя или класса. Немецкий идеализм, в лице Гегеля, утверждал, что ничто не может противостоять силе понятия. Но опыт показал, что такое противостояние существует, что существуют такие институты и общественные группы, со свойственными им интересами, которые в состоянии противостоять этой силе, что существует в обществе иррациональное, которое не желает подчиняться силе рационального понятия. Просвещенческой социологией это общественное иррациональное не было правильно оценено, а приобрело свое значение лишь после того как основание общества пришло в движение. Не в одной другой стране не были так сильны апелляции к иррациональному как в Германии. Это объясняется тем, что понятия рациональность и цивилизация считаются западной находкой. Очень важно отметить тот факт, что взаимный обмен общественными идеями между государствами Европы, вплоть до недавнего времени, осуществлялся не так легко, как может показаться на первый взгляд. В основаниях национальных социологий, и это подчеркивают социологи-романтики, лежит различие национальных менталитетов. Отсюда становится понятным, по мнению Степуна и корректным, рассмотрение государства как объекта социологического анализа. Эта традиция возникла вследствие того, что первые немецкие исследователи общественных отношений были, в большинстве своем, правоведами, историками и языковедами. Они внесли большой вклад в немецкую социологию, не называя себя при этом социологами. Несмотря на близость романтической школы социологии к эмпирии, ей не свойственен излишний позитивизм. С другой стороны,

несмотря на близость романтиков, в особенности ранних, — к церкви, их религиозность была, как считает Степун, неглубокой. Отталкиваясь от романтиков, он строит свою социологию, которую можно обозначить как христианско-антропологическую, базирующуюся на истине христианского благовествования.

Во второй главе «Социология масс» рассмотрены основные понятия социологии масс: масса, вождь, личность, объединение, — исследованные Степуном, — их структура, возникновение, развитие и исторические формы проявления. Приводится сравнительный анализ различных концепций масс, сделанный Степуном в ходе выработки своей собственной.

В первом параграфе «Понятие массы в европейской традиции обществоведения» рассматривается использование европейскими социологами и социальными психологами категории «масса» и отмечается общность и различия в их подходах. Приводится оценка подходов к изучению этого феномена, данная Степуном.

Изучение этого социального феномена начинается, как правило, с его исторического и этимологического анализа. В применении самого понятия масса существует некоторая путаница. Это зависит от различия сфер его применения и придания ему различных смыслов. Эта несогласованность особенно отчетливо проступает при применении этого понятия в социологии, так как разные исследователи придавали ему, порой, различные значения и оттенки. Это зависело, в первую очередь, от национальных традиций той или иной социологической и социально-психологической школы, а также от разработанности категориального аппарата естественных наук, влияние которых на гуманитарную мысль стало особенно ощущаться в период Нового времени. Степун отмечает влияние, которое оказали естественные науки на О. Конта, а также прослеживает эволюцию понятия масса.

С самого начала научного изучения феномена масс его сделали основным объектом своего исследования две науки: социология и социальная психология. При этом, правда, очень трудно говорить о каком-либо строгом разграничении исследовательских подходов, так как рассмотрение этой проблемы чисто психологически не дает ее полного охвата. Лебон, например, несмотря на то, что он назвал свой главный труд именно «Психология масс», с первых же страниц отмечает зависимость момента выступления масс от определенных исторических условий. К последним он относит времена социальных

кризисов и переходных периодов. Этот период изучения феномена масс, который был ознаменован выходом исследований Лебона, Тарда и Сигеле, Степун условно называет первым. Исследователи этого периода рассматривали массы, в большей степени психологически и с большой негативностью, что привлекло, в дальнейшем, внимание к этому социальному явлению со стороны психоанализа. Превалирование социологического анализа масс началось с появлением работ Э. Дюркгейма, который посвятил много внимания изучению понятия аномии.

Новый импульс исследованию проблемы масс придала Первая мировая война и последовавшие за ней революционные события в некоторых европейских странах. Первые эмигрантские годы Степуна в Германии приходятся на апогей исследований этой проблемы, вызвавшей у него, обогащенного российским опытом, большой интерес. В своих работах, посвященных проблемам масс, он анализирует подходы к решению этой проблемы социологов: Г. Лебона, А. Фирканда, М. Вебера, Т. Гайгера, Л. фон Визе, П. Тиллиха и некоторых других, интенсивно занятых этой проблемой.¹ Степун отмечает, что немецкой социологии, особенно межвоенного периода, свойственна культурно-пессимистическая направленность, которая берет начало в ее методологическом базисе, укорененном в традиции философии жизни. Отсюда и большое внимание к проблеме ценностей, которая была порождена попыткой преодоления историзма в социологии.

В основу анализа феномена масс Степун, вслед за большинством немецких социологов, кладет два социальных идеальных типа, выработанных Ф. Теннисом: общину, со свойственными ей «органическими» взаимоотношениями индивидов и общество, для которого характерна «механическая» их связь. Момент возникновения масс, в особенности революционных, Степун связывает с обесцениванием какой-либо важной социальной ценности, скрепляющей социальный организм.

Во втором параграфе «Концепция революции, масс и вождя Ф.А. Степуна» рассмотрен его анализ категорий революция, массы и вождь. Показано деление Степуном массы на мирную и рево-

¹ Stepun, Fedor: Soziologische Vorlesungen || GEN MSS 172 Fedor Stepun Papers. Box 56. Folder 1718 Series II, Shorter Writing, Beinecke Rare Book and Manuscript library, Yale University, Connecticut, U.S.A.

людионную, а также виды людских скоплений и закономерности их образования. Особый акцент Степун делает на изучении революционной массы, которая квалифицируется им как особое состояние первой, вызванное «революционным брожением». Он исследует сущность пролетариата и динамику превращения его в массу. Анализируя исторический и свой собственный опыт, Степу приходит к убеждению, что «понятие большого числа не тождественно социологическому понятию массы»¹. Сами скопления людей он подразделяет на два типа: случайные скопления и органические. Далее он выясняет природу и структуру масс с социологической точки зрения. Большой, по количеству делегатов, научный конгресс — это не масса. Тысячная толпа военных призывников — тоже. То есть, пространственный-временной показатель, в этих случаях, по мнению Степуна, играет вспомогательную роль. Этот взгляд стоит в оппозиции к точке зрения Лебона, которого придерживались многие европейские исследователи, считавшие, вслед за ним, что уже скопление народа является основным суггестивным фактором создания массы. Степун отмечает, что пространственное людское скопление может быть и совершенно случайным: большие магазины, пешеходные зоны в центрах городов. Следующим видом людского скопления он называет театральную публику. Здесь предмет переживаний общий для всех зрителей — театральное представление. Но переживают это представление 1000 зрителей как 1000 индивидуальных «Я». Такое скопление людей Степун называет мирной («латентной») массой, которая отличается от революционной тем, что не обладает сверхличностным характером объективности «Мы», а есть лишь простая аккумуляция индивидов. Почва для возникновения в недрах театральной публики некоего «Мы» безусловно имеется — это совместное душевное переживание содержания увиденного, но из него не произрастает никакого массового творческого акта, характерного революционной массе. Элемент заражения театральной публики, по сравнению с конгрессом ученых, налицо, но здесь необходимо учитывать еще один немаловажный фактор, мешающий «латентной» театральной публике превратиться в революционную массу. Эмоциональный подъем театральной публики, превращающий ее в мирную массу, вызывается самим представлением и на короткое

¹ Степун Ф. А. Религиозный смысл революции. //Современные записки. 1929. XL, с. 446

время, в то время как для революционной массы представление или митинг — это уже подтверждающий творческий акт ее существования, во время или после которого и наступает фаза ее «революционного творчества». Степун дает наглядное описание перехода массы из ее латентного состояния в революционное на примере партийного съезда. Выступления, доклады, в целом, соответствуют эмоциональному настроению делегатов. Предмет обсуждения общий и всем знакомый. Это еще не революционная масса. Тот же съезд, но в период больших социальных потрясений. Неожиданно поступает сообщение о совершении партией противника революции. Новые ораторы берут слово. Их выступления воспринимаются эмоционально, но без достаточного обдумывания. Они стали бессодержательными и превратились лишь в символ. «Чем больше жестикуляции, тем больше масса».¹ Человек, отдающийся массе, по мнению Степуна, неизбежно превращается в подобие стадного животного. Происходит «понижение сознания, провал в бессознательность, пробуждение звериных инстинктов, круговая безответственность, эпидемия преступности и т.д.»² Но и в этом случае это еще не революционная масса, в социологическом смысле. Он рассматривает действия черносотенных банд и революционных масс в годы социальных кризисов в России и приходит к выводу, что разница между массой и бандой никаким образом не связана с тем мировоззрением, во имя которого масса творит свое разрушение. Но если различие между массой и бандой не сводимо к различию идеологий, то «несводимо оно и к различию психологии»³. Совершенно справедливо было бы признать революционно настроенных деревенских мужиков, идущих жечь барскую усадьбу, «по своим переживаниям» похожими на бандитов-черносотенцев. Психологически они вряд ли различны, но Степун видит различие, которое коренится в «объективно различном смысле» того разрушения, что творится массами, от того, что творится бандами. Разрушение, производимое революционной массой содержит в себе определенные, в первое время не ощущаемые созидательные энергии. Оно направлено, в первую очередь, против существующего зла и исполняет некую историческую, а следовательно, смысловую функцию. Раз-

¹ Stepun, Fedor: Soziologische Vorlesungen, S. 44 (Архив Ф.А. Степуна)

² Степун Ф.А. Религиозный смысл революции. с. 446

³ Он же. Там же. с. 447

рушения, совершаемые бандами носят, так сказать, локальный, субъективный и неисторический характер. Эта субъективность и анархичность бандитизма не дает ему возможности почувствовать историческую ситуацию, переживаемую обществом, а также понять логику его развития. Акты революционных масс, в исторической перспективе, «объективны и бескорыстны», несмотря на то, что они очень часто сопровождаются их «злостью и корыстью», а также излишней идеологической риторикой вождей. Только при таком понимании массы признает Степун часто повторяемый лозунг, что революции творятся массами.

Рассматривается его анализ феномена пролетариата, проявляющегося исторически в различных формах. Под формой «механического множества» Степун подразумевает не столько экономически обделенный класс, сколько “нижний слой” общества, который, практически, отстранен от активной политической, экономической и культурной деятельности. В таком состоянии пролетариат обладает лишь потенциальной энергией и свойствами латентной массы у которой отсутствует объективный групповой характер. Зерно революционности присуще и этому типу, но только лишь потому, что налицо некоторое нарушение общественного равновесия.

Организованный пролетариат представляет собою пролетарские объединения, в которые объединяется механическое множество для борьбы с господствующей системой. Такие объединения наличествуют в различных сферах общественной жизни: партии, профсоюзы, юношеские культурные и спортивные организации. То общее, что им всем свойственно — это революционные цели.

Эти пролетарские организации представляют собою первый революционный шаг, если под революцией не подразумевать беспорядки и стихийные бунты. Присутствуя, посредством своих объединений, во всех сферах общественной жизни, пролетариат придает особое внимание сфере культуры, так как его влияние в этой сфере менее всего желательно для власти предрержащих. Говоря о разрушительном характере пролетарских революционных акций, Степун не устает повторять об их творческом созидательном характере. Справедливость такого утверждения состоит в том, что эти акции сами, в свою очередь, вызваны изменениями в культурной жизни общества. Именно в результате таких культурно-ценностных изменений возникают революционные ситуации.

Революционная масса — это третья форма проявления пролетариата. Существование ее обусловлено революционным положением, но проявление ее носит не временной, а «случайный» характер. Случайность эта обусловлена степенью побуждения ее к действию со стороны вождей.

В соответствие с типами масс: мирными и революционными Степун приводит типы их вождей. Мирной массе соответствует вождь, избранный из ее среды — первый среди равных. Характер его деятельности — это направление воли и мысли коллектива, имсющего свое «лицо». Функции его — функции сменяемого руководителя. Его руководство планомерное и преследует рациональные цели. Его задача — искать пути и средства для достижения этих целей, в то время как задача руководимой им массы прикладывать усилия с тем, чтобы задуманные руководством планы были осуществлены.

Революционная масса «безлична». Она нуждается в вожде, который придаст ей некий определенный образ, сформирует ее. Этот вождь приходит, как правило, со стороны и не несет с собой никаких дополнительных идей, а только «находит нужные слова, которых не достает массе».¹ В массе действует механизм имитации. «Каждый видит вождя, который олицетворяет его идеи. Каждый формирует себя на манер вождя».² Учитывая относительно непродолжительный срок существования революционной массы, ее вождь должен своевременно найти адекватное выражение душевного настроения массы. Найдя и правильно его выразив, он становится символом этой массы. Налицо процесс его обожествления. Своим существованием он обязан лишь эмоциональному состоянию массы, в котором она находится в момент его появления. Вождь является, своего рода, экспонентой массы. Степун подчеркивает, что самая главная предпосылка успеха вождя — это его собственная зараженность идеей, приводящей массу в восторг. Этой предпосылкой обладает разновидность вождей революционных масс, а именно — пророки и апостолы. Такие вожди готовы, ради своей утопической идеи, объявить священную войну всему миру.

Вождей, которые, разжигая массовые страсти, сами остаются холодными к собственным революционным призывам, Степун называет демагогами, которые легко становятся диктаторами. Демагог планомерно и расчетливо направляет в нужное ему русло

¹ Stepun, Fedor: Soziologische Vorlesungen. S. 44 (Архив Ф.А. Степуна)

² Он же. Там же. с. 45

стремление массы во имя осуществления, на его взгляд, позитивных целей. Он настоящий вождь массы, так как в состоянии придать ей, со временем, мирный характер. Искусство такого вождя, как политика, заключается в том, что он делает наглядно упрощенным все сложное, принципиально не принимая, при этом, в расчет уровень интеллектуального развития отдельных представителей массы, облекая сказанное им в убедительную форму, поощряя желания и идеи большинства массы, каковыми бы они по направленности не были. Такой вождь в состоянии превратить целую нацию в массу. История человечества имеет тому свидетельства.

Изучение духовной эволюции Степуна и его общественно-научных воззрений показывает насколько велик был российский вклад в мировую культуру, даже в тяжелые годы ее истории.

В заключении излагаются основные выводы, содержащие итоги диссертационного исследования.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Ценностноориентированная социология Ф.А. Степуна. // Социологический журнал. 1995. №4. с. 101–102.
2. Ф.А. Степун // Новая Россия. 1996. №3. с. 99–100 3. Предисловие переводчика. Ф.А. Степун. Дух, лицо и стиль русской культуры // Российская социология. Историко-социологические очерки. Москва. Издательский центр Государственного гуманитарного университета. 1997. с. 200.
4. Культурная миссия. //Новая Россия. 1997. №1. с. 188–189.
5. Социология массы Федора Степуна. //Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. №3, 0,7 п.л. (принято к печати).
6. Предисловие к публикации. Ф.А. Степун. Дух, лицо и стиль русской культуры.//Вопросы философии. 1997. №1. с. 154–155.
7. Ф.А. Степун и И.А. Бунин: фрагменты творческой дружбы. // Материалы конференции, посвященной 125-летию И.А. Бунина. Paris. Institut detudes slaves. 1997. с. 141–146.
8. Освальд Шпенглер. //Новая Россия. 1997. №2. с. 86–89.
9. Евгений Андреевич Гагарин. //Новая Россия. 1997. №4. с. 81.
10. Russlanddeutsche und die russische Kultur in Deutschland. //Der russische Gedanke. Heft 3. 1994. S. 23–25.

Подписано в печать: 29.10.98

Объём — 0,87 авт.л.

Тираж — 60 экз.

Отпечатано на ризографе МЦ СПбГУ

Заказ № 5 от 30.09.1998г.

Адрес: 199178 Санкт-Петербург, В.О.

14-я линия, 29.

Телефон: (812) 217 5422

631

5603 9/118